

ДЕЛО О ВЕЖЛИВОМ ДОМОВОМ

Отдел
"Тихий ужас".
Новела первая.

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

**ДЕЛО О ВЕЖЛИВОМ
ДОМОВОМ**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

ДЕЛО О ВЕЖЛИВОМ ДОМОВОМ / С. В. Диковинный —
«Автор», 2026

НОВЫЙ ЦИКЛ! «ОТДЕЛ ТИХИЙ УЖАС» Тихогорск — город как город. Завод, река, хрущёвки. Только вот в хрущёвках живут домовые, в реке — русалки, а вампир спокойно стоит в очереди в пункте переливания крови. Обычные следователи такие дела не берут. Для этого есть отдел 7 — тот самый, который в управлении за глаза называют «Тихим ужасом». Майор Орлов верит в протокол. Следователь Синичкина — в свою интуицию. Криминалист Кулибин собирает приборы из чайников. А кот Тимофей просто сидит на подоконнике и, кажется, понимает больше, чем вся команда вместе взятая. Первое дело: у пенсионера Петровича пропадают носки, серебряные ложки и монеты. Он уверен — в подъезде завёлся домовый. Отдел выезжает на место — и обнаруживает тапки, аккуратно поставленные у порога. На каждой паре — монетка. Домовой? Или кто-то очень хочет, чтобы все так подумали? Двенадцать дел. Одна команда. И город, где самое странное — это когда всё идёт по протоколу. «Дело о вежливом домовом» — первая новелла цикла.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро в отделе, которого нет	5
Глава 2. Ложный след	9
Глава 3. Провал	15
Глава 4. Поворот	21
Глава 5. Развязка	26
Эпилог	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

ДЕЛО О ВЕЖЛИВОМ ДОМОВОМ

Глава 1. Утро в отделе, которого нет

Кабинет номер семь находился на третьем этаже здания тысяча девятьсот пятьдесят четвёртого года постройки, и здание это давно махнуло рукой на себя.

Лепнина на потолке осыпалась ещё при Брежневе, но оставшиеся её фрагменты держались с упорством, достойным лучшего применения. Паркет скрипел в трёх местах — у двери, у окна и ровно посередине комнаты, — и каждый скрип имел свой характер: дверной был жалобным, оконный — укоризненным, а срединный — просто хамским. Лампочка под потолком мигала с той периодичностью, которая намекала: её собираются заменить. Заменить её собирались лет восемь.

Вообще-то, официально кабинет номер семь назывался Следственным отделом номер семь УМВД по городу Тихогорску. Неофициально — «Тихим ужасом». И если бы вы спросили у любого сотрудника управления, что это за отдел, вам бы ответили уклончиво. Если бы вы спросили у самих сотрудников — они бы ответили честно, но про себя. Вслух они предпочитали молчать. Молчание в этом отделе вообще считалось формой служебной вежливости.

Утро начиналось как обычно.

Старший лейтенант Дроздов сидел на подоконнике, свесив одну ногу, и листал телефон с выражением человека, который нашёл что-то важное и не собирается этим делиться. Начальник следственной группы майор Орлов стоял у окна и гладил рубашку. Не утюгом — рукой. Просто проводил ладонью по складкам, будто верил, что если гладить достаточно долго, мир тоже начнёт выглядеть опрятнее. Следователь Синичкина вбежала в кабинет, как всегда, с опозданием на четыре минуты, и, как всегда, с разваливающимся пучком. Капитан Муромцев лежал на диване, но это было не ленью, а позицией. Криминалист Кулибин сидел за своим столом и паял. Он всегда паял. Даже когда ничего не надо было паять, он что-то паял — просто чтобы паять.

— Тимофей опять ест вещдок, — сказал Дроздов, не отрываясь от телефона.

— Это не вещдок, — отозвалась Синичкина, поправляя пучок и разваливая его ещё сильнее. — Это я вчера купила ему паштет. Я подписала, чтобы никто не съел.

— Кто ж знал, — медленно сказал Муромцев с дивана. — Он читать умеет.

— Он не умеет читать, — сказал Кулибин, не поднимая глаз от паяльника. — Он умеет различать. Это хуже.

Кот Тимофей сидел на подоконнике, рядом с Дроздовым, и доедал что-то из пластикового контейнера, на котором действительно было написано «ВЕЩДОК 4. НЕ ТРОГАТЬ». Тимофей был серый, с большой мордой британца и выражением лица, которое лучше всего описывалось словами «я тут уже давно, а вы — нет». Откуда он взялся в отделе, никто не помнил. Все были уверены, что он был всегда. В документах он числился как «имущество отдела, инвентарный номер 47», но на самом деле никакими документами его существование не подтверждалось. Более того, если бы кто-то попробовал его выселить, отдел бы восстал. Даже Орлов, который не позволял себе эмоций, однажды сказал про Тимофея: «Он не мешает». Для Орлова это была высшая форма признания.

Тимофей доел паштет, поставил лапу на край контейнера и посмотрел на всех по очереди. Долго. Внимательно. Как будто проверял, все ли на месте. Все были на месте. Тимофей лёг.

Всем стало неловко.

Дверь открылась. На пороге стоял майор Орлов — тот самый, который только что гладил рубашку у окна. То есть, если быть точным, в кабинет вошёл Орлов, а у окна стоял Орлов. Это было невозможно, но это было так, и все понимали: значит, Орлов стоит у окна и одновременно входит. Он действительно умел присутствовать в двух местах сразу, когда считал, что этого требует служба. Служба требовала почти всегда.

Орлов посмотрел на кабинет. Осыпаящаяся лепнина. Мигающая лампочка. Паяльник. Диван. Пучок. Телефон. Кот. Он ничего не сказал. Он достал блокнот.

— Докладываю обстановку, — сказал он ровно. — Тихо.

— ОРЛОВ!!! — загремело из коридора.

Орлов, не меняясь в лице, убрал блокнот.

— Началось, — сказал он.

Дверь распахнулась так, что лепнина на потолке нервно вздрогнула и решила подождать с очередным обвалом. На пороге стоял полковник Громобоев — грузный, седой, с ёжиком на голове и влажным лбом. Форма на нём сидела так, как будто её кроили для человека чуть меньшего, но потом этот человек внезапно вырос в плечах. Громобоев оглядел кабинет. Все встали. Даже Тимофей — а Тимофей просто потянулся, но всем показалось, что он встал, и это было правильное впечатление.

— Доклад, — отрубил Громобоев.

— Тихо, товарищ полковник, — сказал Орлов.

— Тихо у меня в сейфе, — сказал Громобоев. — А у вас — кладбище. Что слышно?

— Пока ничего. Затишье.

Громобоев помолчал. Он не любил затишье. Затишье его оскорбляло.

— Не бывает затишья, — сказал он наконец. — Бывает недоработка.

Он шагнул к столу и положил на него лист бумаги. Обычный, серый, с двумя дырками от степлера. Все посмотрели на лист. Лист был невзрачный, но в этом отделе невзрачные листы были самой опасной разновидностью документов.

— Заявление, — сказал Громобоев. — Гражданин Петрович. Улица Гагарина, дом восемь. Пропадают вещи. Мелкие. Носки. Ложки. Монеты. Утверждает: в подъезде завёлся домовый.

— Домовой, — повторил Орлов.

— Домовой, — подтвердил Громобоев.

— Товарищ полковник, — сказал Орлов, тщательно подбирая слова. — Это пенсионер.

— Что пенсионер?

— У него возраст.

— А у вас, Орлов, — отдел по делам особой сложности. Или вы думаете, я его так назвал для красоты?

Орлов молчал. Он умел молчать так, что это было слышно. Молчание у него получалось точным, аккуратным, выглаженным — как рубашка.

Громобоев посмотрел на него. Потом на остальных. На Дроздова, который убрал телефон, но не выключил экран. На Муромцева, который встал с дивана и теперь стоял как гора, не выражая ничего. На Кулибина, который так и не оторвался от паяльника, потому что уважал начальство, но ещё больше уважал процесс. На Синичкину, которая записывала — непонятно что, но записывала.

И на Тимофея.

Тимофей смотрел на Громобоева. Громобоев смотрел на Тимофея.

Это длилось секунды три.

— Орлов, — сказал Громобоев тише, чем обычно. — Домовой — не домовый. Вор — вор. Разберитесь.

Он развернулся и вышел. Дверь хлопнула. Лепнина на потолке вздохнула и уронила небольшую, но выразительную крошку на плечо Муромцеву. Муромцев не заметил. Или сделал вид.

Синичкина перестала писать.

— Домовой?! — сказала она с азартом, который в этом отделе считался нормальным, а в любом другом — диагнозом. — Я поеду к Петровичу!

Дроздов поднял голову:

— А я в чате у домовых спрошу.

Муромцев медленно повернулся к нему:

— У домовых есть чат?

— Есть. — Дроздов посмотрел на него как на отсталого. — Тише. Я там на модерации.

— На модерации, — повторил Муромцев.

— Ну а что? — Дроздов пожал плечами. — Кто-то же должен следить за порядком.

Кулибин наконец оторвался от паяльника.

— Я с собой возьму прибор.

— Какой прибор? — спросил Орлов, не оборачиваясь.

— Определитель нечисти.

— Какой?

— Определитель нечисти, — повторил Кулибин терпеливо. — Собрал из чайника.

— Из чайника, — сказал Орлов.

— И трёх гвоздей. Он работает.

— Он чайник, — сказал Муромцев.

— Он определитель, — сказал Кулибин. — Чайник был донором.

Орлов закрыл глаза. Он делал так нечасто — только в те минуты, когда понимал, что мир невозможно привести в порядок, а работать всё равно надо. Он открыл глаза.

Тимофей уже стоял у двери. Он сидел на полу, вытянув передние лапы, и смотрел на всех с выражением дежурного вахтёра, который знает, кто опоздал, а кто нет.

— Он с нами хочет, — сказала Синичкина.

— Он не хочет, — сказал Орлов. — Он голодный.

Тимофей посмотрел на Орлова. Долго. Спокойно. Как смотрят на человека, который говорит глупости, но это не его вина.

Орлов отвёл взгляд.

— Ладно, — сказал он. — Все на выезд.

Через пять минут кабинет опустел. Осталась только мигающая лампочка, осыпающаяся лепнина и стол, на котором лежал серый лист с заявлением гражданина Петровича.

Тимофей ехал в машине на руках у Синичкиной. Никто не заметил, как он туда попал. Все сделали вид, что так и должно быть. В этом отделе это был самый надёжный способ не сойти с ума.

Глава 2. Ложный след

Улица Гагарина считалась в Тихогорске приличной. Это означало, что асфальт тут клали не в прошлом году, а в позапрошлом, фонари горели через один, а не через три, и дом номер восемь ещё не снесли, хотя собирались. Дом был хрущёвкой — пятиэтажной, панельной, с облупившейся краской цвета старого компота. Во дворе сидели бабки. Бабки сидели так, как будто их посадили сюда вместе с домом и забыли убрать.

Машина остановилась. Первым вышел Орлов, поправил рубашку — привычка, от которой он не мог избавиться, даже когда выходил на место преступления. За ним вылез Муромцев, разминая плечи. Дроздов выскочил быстро и сразу уткнулся в телефон. Кулибин вышел последним, с чемоданчиком и с чем-то в пакете, что он держал бережно, как младенца.

Из машины вышла Синичкина. На руках у неё сидел Тимофей.

— Орлов, — сказал Муромцев, глядя на кота. — Он с нами.

— Я вижу.

— Он с нами приехал в машине.

— Муромцев.

— Я просто уточняю.

Тимофей спрыгнул с рук Синичкиной и, не оглядываясь, ушёл куда-то в кусты. Все посмотрели ему вслед.

— Он вернётся, — сказала Синичкина.

— Откуда ты знаешь? — спросил Дроздов.

— Он всегда возвращается.

Никто не стал уточнять, откуда это известно. Вопрос был из тех, на которые в этом отделе не отвечали, потому что ответа не было.

К ним уже спешил человек. Пожилой, в тапках на босу ногу, с авоськой, в которой лежала одна картофелина и, судя по форме, бутылка. Он шёл широко, радостно, как будто ждал гостей долго и уже начал думать, что не дожждётся.

— О! — сказал он, ещё не дойдя. — Милиция! А я говорил! Говорил я им — домовой!

— Гражданин Петрович? — спросил Орлов.

— Петрович. Абрамов-Каин. Двойная фамилия, от деда досталась. Дед был... — он задумался, — ...нехороший человек. Но фамилию не меняешь, правда?

Орлов посмотрел на него внимательно. Гражданин Петрович был из тех людей, которых в этом отделе называли «свидетелями по жизни». Они всегда что-то видели, всегда что-то слышали, всегда были готовы помочь — и почти всегда оказывались чуть-чуть в курсе того, что не должны.

— Что пропало? — спросила Синичкина, достав блокнот.

— Носки, — сказал Петрович торжественно. — Три пары.

— Носки, — повторила Синичкина, записывая.

— Ложки. Серебряные. Три штуки.

— Ага.

— И монеты. Дорогие. Старые.

— Дорогие — это сколько?

Петрович задумался.

— Ну... дорогие.

— В рублях.

— В рублях не помню. Они были дорогие как память.

Орлов, который до этого молчал, вмешался:

— Серебряные ложки где хранились?

— В серванте.

— Сервант запирается?

Петрович замялся.

— Ну... он как бы... — он показал руками что-то неопределённое, — ...закрывается.

— На замок?

— На дверцу.

— Дверца запирается?

— Ну, она закрывается, — сказал Петрович с надеждой.

Орлов посмотрел на него. Петрович посмотрел на Орлова. Петрович выдержал взгляд секунды две, потом отвёл глаза и посмотрел на Муромцева. Муромцев смотрел куда-то в сторону, где находился его внутренний покой.

— Значит, ложки были в свободном доступе, — сказал Орлов ровно.

— Так домовой! — обрадовался Петрович. — Ему сервант — не преграда!

— А носки зачем? — спросил Муромцев, не меняя позы.

Петрович задумался.

— А я почём знаю. Он вежливый. Он башмаки у порога ставит.

Дроздов поднял голову от телефона.

— Так это же не домовой, — сказал он тихо. — Это ограбление с элементами этикета.

Синичкина хмыкнула. Муромцев посмотрел на Петровича с интересом. Орлов ничего не сказал, но в блокноте у него что-то появилось.

— Покажите квартиру, — сказал он.

Квартира Петровича была не столько квартирой, сколько летописью. Здесь жили, очевидно, несколько десятилетий и ничего не выбрасывали. На стенах висели ковры с оленями, на полках стояли банки с чем-то, что когда-то было огурцами, а теперь стало историей. В серванте действительно лежали ложки — вернее, лежали те, что остались, — и Орлов с некоторым уважением отметил, что одна из них действительно тянула на серебряную. На тумбочке стоял телевизор, который показывал хуже, чем не показывал, и на подоконнике лежала газета «Тихогорский рабочий» за прошлый вторник.

— Тут вы живёте один? — спросила Синичкина.

— Один, — сказал Петрович. — Жена померла. Дети уехали. Я сам.

— А давно пропажи начались?

Петрович подумал.

— Месяц назад.

— Точно?

— Точно. Я числа запоминаю.

Орлов отметил эту деталь. Петрович был жуликоватый, но не глупый. Числа он запоминал. Это делало его полезнее, чем казалось.

— А что было месяц назад? — спросил он.

— Месяц назад? — Петрович задумался. — Месяц назад Толик уехал.

— Какой Толик? — спросила Синичкина.

— Сосед. Из четвёртой. Курочкин. Хороший парень. Уехал вот. Жалко.

— Куда уехал?

— Ну, уехал. Не сказал.

— В отпуск?

— Да какой отпуск, — Петрович махнул рукой. — У него с женой неладно было. Жена уехала, а он следом.

— А когда именно жена уехала?

— Месяц назад.

— И он?

— И он.

Орлов записал в блокнот: «Курочкин. Кв. 4. Месяц назад». Это была первая ниточка. Пока тонкая, но Орлов любил тонкие ниточки. Из них, если аккуратно тянуть, получались хорошие дела.

— Пойдём по подъезду, — сказал он.

Подъезд был из тех, где пахнет одновременно кошками, хлоркой и историей. Каждая квартира дала свой вклад в общую картину.

В первой жила бабушка, которая сообщила, что «у меня домовый хороший, ложки не берёт», и предложила чаю. Её вежливо отклонили. Во второй жила молодая пара, которая ничего не заметила, потому что у них шёл ремонт. Ремонт у них шёл, судя по всему, года четыре, и конца ему не предвиделось. Третья квартира принадлежала студенту, который, узнав, зачем пришли сотрудники, почему-то сразу занервничал.

— У меня тоже пропало, — сказал он быстро. — Зачётка. Это, наверное, тоже домовый.

— Зачётка? — переспросила Синичкина.

— Ну да. Я её в столе оставил. А её нет.

— И вы считаете, что её взял домовый?

Студент замялся.

— Ну... а кто ещё?

Синичкина внимательно посмотрела на него. Студент выдержал ровно полторы секунды.

— Спасибо, — сказала она. — Если что-то вспомните — вот телефон.

Она оставила ему визитку. Студент взял её так, как берут приговор.

Четвёртая квартира была заперта. На двери висел замок, и замок выглядел свежим.

— А это чья? — спросила Синичкина.

Петрович, который ходил за ними по всему подъезду, ответил не сразу.

— Толика.

— Он же уехал.

— Уехал.

— А замок новый.

— Так это... — Петрович задумался. — Он закрыл. Чтобы никто не залез. Он же уехал, вещи там.

— А кто ключи хранит?

— Он.

— А с кем он связан? Родственники, знакомые?

— Никого у него нет, — сказал Петрович уверенно. — Один он. Жена уехала — и всё. Он сам по себе.

Синичкина посмотрела на дверь. Потом на Орлова. Орлов ничего не сказал, но в его блокноте появилась ещё одна строчка: «Кв. 4. Замок новый. Хозяин — Курочкин». Он не любил такие совпадения. Он вообще не любил совпадения. Он считал, что мир — это совокупность причин и следствий, и если что-то выглядит как совпадение, значит, следовательно ещё недостаточно поработал.

— Хорошо, — сказал он. — Работаем дальше.

Вечером отдел устроил засаду у Петровича. Идея была простая: если домовой ходит по подъезду, он должен где-то появиться. Засада — это в теории. На практике это означало, что пятеро взрослых людей сидели в квартире Петровича, пили чай, который он настойчиво предлагал, и делали вид, что не смотрят друг на друга.

Телефон Орлова зазвонил.

— Орлов! — рявкнул Громобоев, даже не поздоровавшись. — Домовой объявился?

— Пока нет, товарищ полковник.

— Значит, не ждёт вас. Значит, работает. Держите ухо. И кота не потеряйте.

— Какого кота?

Орлов медленно обернулся. На серванте Петровича, между хрустальной вазой и фотографией какого-то мужчины с усами, сидел Тимофей. Он смотрел на Орлова спокойно, будто так и должно быть. Будто он тут давно. Будто это его сервант.

— Понял, товарищ полковник, — сказал Орлов в трубку. — Не потеряем.

Он положил телефон.

— Он с нами приехал, — сказал Муромцев, не поднимая глаз.

— Я знаю.

— Или он привёл нас.

Орлов посмотрел на Муромцева. Муромцев был серьёзен. Он всегда был серьёзен, но иногда — по-особенному. Это было именно такое «иногда».

— Муромцев, — сказал Орлов.

— Что?

— Ничего.

Они сидели ещё долго. Чай кончился. Петрович заснул в кресле. Дроздов листал чат домовых и что-то бормотал под нос. Кулибин сидел со своим прибором и делал вид, что он работает. Синичкина писала в блокноте. Орлов смотрел в окно. Муромцев смотрел в стену. Тимофей смотрел на всех.

И тогда скрипнуло.

Тихо. Где-то в подъезде. Не дверь. Что-то другое. Шаги. Осторожные. Медленные. Как будто шёл человек, который очень не хотел, чтобы его услышали.

Дроздов вскочил. Муромцев — следом, но не спеша. Орлов поднял руку — все замерли. Тишина. Ничего.

— Показалось, — прошептал Дроздов.

Скрипнуло снова. Ближе.

Дроздов, не выдержав, рванул к двери и распахнул её.

Подъезд был пуст. Лампочка горела тускло, одна на весь этаж. Пахло чем-то пыльным. И — почему-то — мятой.

Дроздов вышел на площадку. Огляделся. Никого. И уже хотел вернуться, когда увидел у двери Петровича — у самой порожки — три пары тапок. Они стояли аккуратно, носок к носку, параллельно, как на витрине обувного магазина. На каждой паре лежала монетка.

Дроздов застыл.

— Орлов, — позвал он тихо. — Орлов, идите сюда.

Орлов вышел. Посмотрел на тапки. Посмотрел на монетки. Ничего не сказал.

Из-за его спины вышла Синичкина. Увидела. Встала рядом. Смотрела долго.

— Это он, — сказала она шёпотом. — Домовой.

Орлов молчал.

— Может, и он, — сказал он наконец. — А может, кто-то очень хочет, чтобы мы так подумали.

Он присел. Взял одну монетку. Посмотрел на неё. Монетка была старая, но не антикварная. Просто старая. Из тех, что в Тихогорске можно купить на развале у вокзала по двадцать рублей штука.

В этот момент у тапок появился Тимофей.

Все обернулись. Тимофей подошёл к тапкам, понюхал их. Обстоятельно. Каждую пару. Потом посмотрел на Орлова. И — лёг на тапки. Всеми четырьмя лапами. Прямо на них. И закрыл глаза.

— Тимофей, — сказал Орлов.

Тимофей не двигался.

— Тимофей, встань.

Тимофей не двигался.

— Ладно, — сказал Орлов, и в голосе его впервые за вечер появилось что-то похожее на смирение. — Тапки — вещдок.

Он аккуратно, вместе с Тимофеем, поднял тапки и понёс в квартиру. Тимофей, не открывая глаз, поехал вместе с ними. Как пассажир.

— Синичкина, — сказал Орлов на ходу. — Монетки со всех тапок собери. В пакет.

— Есть.

— Дроздов, звони Кулибину, пусть посмотрит.

— Он тут.

— Тогда пусть не сидит.

— Он сидит.

— Пусть встанет.

Кулибин встал.

Утро следующего дня отдел встретил в кабинете. Тапки стояли на столе. Монетки лежали в пакете. Тимофей спал на подоконнике, как будто ничего не произошло. Все смотрели на тапки. Тапки смотрели на всех.

— Итог, — сказал Орлов. — У нас есть тапки, монетки и заявление пенсионера. У нас нет преступника, нет мотива и нет понимания, что происходит.

— Зато у нас есть домовый, — сказал Дроздов бодро.

Орлов посмотрел на него.

— Дроздов, — сказал он ровно. — Домовой — это не результат. Это версия.

— А разница?

— Разница в том, что за версию не сажают.

Тимофей на подоконнике перевернулся на другой бок.

Глава 3. Провал

Кабинет Громобоева был больше, чем кабинет отдела, и seemed чище. На самом деле он был не чище — просто в нём не паяли. Это меняло всё.

Стол. Стул. Шкаф с документами. Сейф в углу. Сейф был старый, тёмно-зелёный, с потёртой ручкой, и в этом кабинете он был единственным предметом, который выглядел значительнее полковника. Громобоев относился к сейфу с уважением. Он никогда не открывал его при посторонних. Вернее, почти никогда.

Отдел стоял у стола. Все, кроме Тимофея, который остался в кабинете и, по слухам, спал на папке с делом. Громобоев сидел. Молчал. Смотрел на них.

Пауза длилась долго.

— Доклад, — сказал он наконец.

Орлов сделал шаг вперёд.

— Товарищ полковник. Пропали носки, серебряные ложки и монеты. Следов взлома нет. Изъята улика — тапки с монетами. Версия — домовой.

Громобоев молчал. Он умел молчать так, что молчание становилось отдельным событием в жизни человека.

— Домовой, — повторил он.

— Это версия, товарищ полковник.

— Это не версия. Это диагноз. Ваш.

Он посмотрел на Орлова. Орлов выдержал. Он умел выдерживать.

— Значит, так. — Громобоев откинулся на стуле. Стул под ним скрипнул, как будто просил пощады. — Объясняю доступно. Домовой — это не подследственный. Домовой — это жилец. Если он есть — это не наша забота, это забота управляющей компании. Если его нет — это тем более не наша забота, а выдумка гражданина Петровича, который, судя по вашему докладу, — человек определённого склада.

— Но, — продолжил Громобоев, и голос его чуть изменился, — вы поехали. Вы работали. Вы нашли тапки.

Он замолчал.

— Тапки, — повторил он с каким-то странным выражением. — Это... неплохо.

Орлов моргнул. В этом отделе слово «неплохо» от Громобоева звучало как орден.

— Но. — Громобоев поднял палец. — Фактов мало. Мотива нет. Подозреваемого нет. Если через двое суток у вас не будет результата — закрываю тему как бытовуху. Понятно?

— Так точно.

— Свободны.

Все повернулись к двери. Громобоев поднял руку.

— Синичкина. Останься.

Синичкина остановилась. Остальные вышли. Дверь закрылась.

Громобоев встал. Подошёл к сейфу. Открыл. Достал папку — толстую, потрёпанную, с загнутыми уголками. Такую не показывают, такую не афишируют, такую просто хранят. Он положил её на стол, но не открыл.

— Знаешь, что это? — спросил он.

— Нет, товарищ полковник.

— И не надо. — Он помолчал. — Но если вдруг ваше дело окажется не про домового, а про что-то другое... — он открыл папку, вытащил один лист, — вот. Почитай. На досуге.

Синичкина взяла лист. Это была старая ксерокопия. Текст был нечёткий, шрифт — из восьмидесятых, наверху — гриф «Для служебного пользования». Она начала читать. Ничего не поняла. Какие-то фамилии. Даты. Пометки на полях, сделанные разными почерками. Одна фраза повторялась несколько раз: «Проверить. Не подтверждено».

— Товарищ полковник...

— Иди, — сказал Громобоев. — И кота покорми. Он жаловался.

Синичкина замерла.

— Кот?

— Кот. — Громобоев посмотрел на неё внимательно. — Жаловался. Иди.

Синичкина вышла. Лист она положила в блокнот, не читая больше. Потом прочитает. Когда поймёт, что это значит. Если поймёт.

В кабинете отдела было тихо. Так тихо, как бывает в тех случаях, когда никто не знает, что делать.

Орлов стоял у окна. Смотрел на площадь перед управлением. На людей. На жизнь. На то, как она идёт мимо — без преступников, без улик, без домовых. Дроздов сидел на подоконнике, но телефон в руках не держал — впервые за день. Муромцев лежал на диване и смотрел в потолок. Кулибин сидел за столом и не паял. Даже не паял. Синичкина вошла, села, положила блокнот на стол, но не открыла его.

Тимофей спал на папке с делом.

— Итак, — сказал Орлов, не отворачиваясь от окна. — Версии.

— Домовой, — сказал Дроздов.

— Мимо.

— Почему?

— Потому что домовой не крадёт ложки. Домовой вообще ничего не крадёт. Домовой живёт. Если он есть — он часть дома. Он не преступник.

— Тогда кто?

— Сосед. — Орлов повернулся. — Кто-то из подъезда. Кто знает порядки. Кто имеет доступ.

— У всех алиби, — сказала Синичкина. — Я проверяла. Бабушка — на даче была. Пара — у родителей. Студент — в общежитии.

— Студент, — повторил Орлов. — Тот, у которого пропала зачётка.

— Он нервничал, — сказала Синичкина.

— Он студент. Они все нервничают.

— А Курочкин? — спросил Дроздов.

— Уехал.

— Кто сказал?

— Петрович.

— А кто проверял?

Орлов помолчал.

— Никто, — сказал он. — Формально он не подозреваемый. Формально он вообще не в деле.

— Но он уехал месяц назад, — сказала Синичкина медленно, как будто сама себе не верила. — И пропажи начались месяц назад.

— Вот именно, — сказал Орлов. — Я это заметил. Но этого мало. Мало, чтобы идти к полковнику и говорить: «У нас есть человек, который уехал, и дом, где он жил».

— Почему?

— Потому что Громобоев скажет: «А где доказательства?» И будет прав.

Пауза.

Тимофей открыл глаза. Никто не обратил внимания. Тимофей закрыл глаза. Никто не обратил внимания.

Дроздов вдруг вскинулся.

— У меня в чате домовых есть тема, — сказал он. — Пишут: «В Тихогорске тихо». Никто не шатается.

— Что это значит? — спросил Муромцев.

— Ну, — Дроздов замялся. — Это значит, что настоящие домовые у нас тут не балуются. Их либо нет, либо они сидят смирно.

— Значит, кто-то прикидывается, — сказал Муромцев.

— Или домовый есть, — сказал Орлов. — И он вежливый. — Он сам поморщился от этой фразы. — Я не знаю. Я устал.

— А почему вежливый? — спросила Синичкина.

Все посмотрели на неё.

— Что?

— Почему вежливый? — повторила она, и в её голосе появилась та самая интонация, которая в этом отделе всегда предвещала неожиданное. — Домовые — они не вежливые. Они сердитые. Их не зовут — они приходят. А этот — тапки ставит. Монетки кладёт. Как будто извиняется.

Орлов медленно отошёл от окна.

— Повтори.

— Он извиняется. Как будто он тут не по праву. Как будто он боится.

— Боится чего?

— Что настоящий домовый придёт, — сказала Синичкина. — И разберётся.

Тишина. Полная. Даже лампочка, кажется, перестала мигать.

Орлов сел. Достал блокнот. Открыл. Посмотрел на записи.

— Это не домовый, — сказал он наконец. — Это человек, который изображает домового. Чтобы настоящий домовый не пришёл.

— Зачем? — спросил Дроздов.

— Вот это вопрос, — сказал Орлов. — И ответ на него у нас будет до того, как Громобоев закроет тему.

Он закрыл блокнот.

— Работаем.

Засаду устроили на следующую ночь. На этот раз — в подъезде. Дроздов и Муромцев дежурили на площадке между третьим и четвёртым этажами. Орлов остался в машине — на

связи. Синичкина — у Петровича, на всякий случай. Кулибин — в машине с прибором, который уже третий раз отказывался работать, и Кулибин уверял, что это тоже показатель.

Тимофей был с Дроздовым. Никто не заметил, как он оказался на площадке. Он просто сидел у перил и смотрел вниз, в темноту пролёта.

— Муромцев, — прошептал Дроздов.

— М.

— Он с нами.

— Кто?

— Кот.

— Я знаю.

— Ты не удивляешься?

— Я удивляюсь, — сказал Муромцев медленно. — Просто тихо.

Прошло два часа. Подъезд был тих. Только где-то на первом этаже капала вода. Где-то на пятом — играла музыка, глухо, через стену. Дроздов начал клевать носом. Муромцев не спал — Муромцев умел не спать так же, как умел лежать на диване: основательно и без выражения.

И тогда скрипнуло.

Тихо. Внизу. Дроздов встрепенулся. Муромцев положил руку ему на плечо.

Внизу, на площадке третьего этажа, где горела единственная лампочка, появилась тень. Потом — фигура. Маленькая, сутулая. В фартуке. С бородой.

Дроздов замер.

— Домовой, — прошептал он.

Муромцев не ответил. Он смотрел внимательно. Очень внимательно.

Фигура поднялась на несколько ступеней и остановилась. Постояла. Потом медленно, осторожно достала что-то из кармана — небольшое, блестящее — и положила на перила. Потом пошла дальше вверх.

— Он идёт сюда, — прошипел Дроздов.

— Тише, — сказал Муромцев. — Смотри.

Фигура прошла ещё несколько ступеней. И тут Муромцев тихо, ровно, без всякого выражения сказал:

— Пальто.

Дроздов замер.

— Что?

— У домовых нет пальто, — сказал Муромцев. — А у него — пальто. Осеннее. Из «Тихогорской».

Фигура на мгновение остановилась. Как будто услышала. Потом развернулась и быстро пошла вниз.

— Стой! — крикнул Дроздов и бросился за ней.

Он перемахнул через перила, упал на площадку третьего этажа, вскочил, побежал по лестнице. Но внизу уже хлопнула дверь подъезда. Когда Дроздов выскочил на улицу, там было пусто. Только фонарь мигал, и в его свете крутились какие-то мошки.

Дроздов выругался.

— Дроздов, — позвали сверху.

Он вернулся. Муромцев стоял на площадке, где была фигура. Он держал в руке что-то небольшое.

— Монетка, — сказал он. — Он оставил.

— Твою мать.

— Муромцев. — Дроздов посмотрел на него. — Ты сказал «пальто». Откуда ты знаешь про пальто?

Муромцев пожал плечами.

— Видел.

— Где?

— В окне. Когда мы приехали. На втором этаже кто-то стоял в пальто.

— И ты молчал?

— Я не молчал. Я ждал.

— Муромцев, ты... — Дроздов не нашёл слова. — Ты знаешь, что ты?

— Знаю, — сказал Муромцев. — Пойдём. Надо Орлову сказать.

Они вышли из подъезда. И тут Дроздов обернулся.

— Муромцев.

— М.

— Кот.

Муромцев посмотрел туда, где сидел Тимофей. Тимофея не было.

— Где он?

— Откуда я знаю.

Они пошли к машине. На полпути к ним из темноты вышел Тимофей. В зубах у него был клочок ткани. Серый. Пальтовый.

Он подошёл к Муромцеву и положил клочок у его ног. Потом сел и посмотрел на них обоих с видом человека, который выполнил свою работу и ждёт, когда остальные наконец сообщат.

— Это... — Дроздов посмотрел на клочок. — Это от пальто.

Муромцев наклонился, поднял клочок. Аккуратно, двумя пальцами. Посмотрел. Потом посмотрел на кота.

— Спасибо, — сказал он.

Тимофей не ответил. Тимофей никогда не отвечал. Но в этот момент Дроздову показалось, что он всё-таки кивнул. Ушёл в темноту.

— Муромцев, — сказал Дроздов тихо.

— М.

— Ты видел?

— Что?

— Он кивнул.

Муромцев помолчал.

— Дроздов, — сказал он наконец. — Пойдём.

— Он кивнул!

— Пойдём.

Они пошли к машине. Орлов уже ждал их на улице — вышел, когда услышал шаги.

— Что? — спросил он.

Муромцев молча протянул клочок ткани.

Орлов взял. Посмотрел. Повертел в руках. Посмотрел на Муромцева. На Дроздова. На Тимофея, который уже сидел возле машины и мыл лапу с выражением полного безразличия ко всему происходящему.

— Пальто, — сказал Орлов.

— Пальто, — подтвердил Муромцев.

— Он был в пальто. И в фартуке.

— И с бородой.

— И с бородой.

Орлов вернул клочок Муромцеву. Открыл дверь машины. Посмотрел на Тихогорск — тёмный, тихий, с редкими огнями в окнах.

— Утром отдадим Кулибину, — сказал он. — Работаем дальше.

Он сел в машину. Муромцев и Дроздов — следом. Тимофей — тоже, никто не заметил как.

Машина уехала.

Глава 4. Поворот

Утро начиналось с запаха.

Кулибин сидел за своим столом, склонившись над клочком ткани, и производил манипуляции, которые со стороны выглядели как издевательство над здравым смыслом. Рядом стоял прибор — тот самый, из чайника и трёх гвоздей. Прибор был красив. Он ничего не делал, но выглядел так внушительно, что Дроздов время от времени подходил и трогал его, чтобы убедиться, что тот реален.

— Итак, — сказал Кулибин, не поднимая головы. Говорил он всегда так, будто продолжал разговор, начатый кем-то другим и неизвестно когда. — Ткань. Пальто. Осеннее. Мужское. Размер сорок восемь — пятьдесят. Производство — местное. Фабрика «Тихогорская». Номер партии... — он посмотрел на бирку с изнанки клочка через лупу, — ...две тысячи четырнадцатый. Ношено. Поношено долго. Края обтрёпаны. Особенно внизу — потому что хозяин часто задевал их о ступеньки.

Он замолчал. Все ждали. Кулибин умел держать паузу. Наверное, это было единственное, в чём он походил на Громобоева.

— И, — продолжил он наконец, — следы валерьянки.

— Валерьянки, — повторил Орлов.

— Да. Много. Не разовая доза. Постоянное ношение. Ткань пропитана. Либо хозяин — кот, либо... — Кулибин задумался, как будто впервые об этом подумал, — ...либо хозяин изображает домового и пьёт валерьянку, чтобы «в роли» быть правдоподобнее.

Дроздов поднял голову от телефона.

— Почему именно валерьянка?

Кулибин посмотрел на него как на человека, который спросил что-то очевидное, но всё же имеющее право на существование.

— Потому что домовые в фольклоре пахнут... — он открыл какую-то папку, лежавшую на столе, полистал, — ...мятой. А валерьянкой пахнут коты. Он перепутал.

— Он перепутал, — повторил Орлов.

— Люди всегда путают, — сказал Кулибин. — Домовой — мята. Кот — валерьянка. Если имитируешь домового по городским легендам — берёшь валерьянку. Дурак. — Он помолчал. — Ну, то есть не дурак. Просто невежественный.

Орлов сел. Достал блокнот. Открыл. Закрыл. Посмотрел на клочок ткани на столе Кулибина. Потом на прибор. Потом на Тимофея, который спал на подоконнике.

— Значит, преступник — человек, — сказал он. — Не знает традиций. Работает на публику.

— Работает на легенду, — поправил Кулибин. — Разные вещи. Легенда — то, что люди рассказывают. Традиция — то, что делают на самом деле. Он читал первое, а второе не знает.

— Это сужает круг, — сказала Синичкина.

— Да, — согласился Орлов. — Сужает. Но пока не настолько, чтобы идти к Громобоеву. Он помолчал.

— Синичкина, Дроздов. Соседи. Ещё раз. Но теперь слушайте не про домового. Слушайте про Курочкина.

— А что про него слушать?

— Всё, — сказал Орлов. — Как жил. С кем. Что делал. Почему уехал. И — главное — куда.

Подъезд номер восемь на улице Гагарина выглядел днём по-другому. Не страшнее, не уютнее — просто другим. Пахло не кошками и хлоркой, а супом и стиральным порошком. В окнах висели занавески, за занавесками шла жизнь.

Синичкина начала с первого этажа. Дроздов — со второго. Они действовали по очереди, и это было правильно, потому что соседи в таких домах говорят правду только по одному.

Бабушка из первой квартиры встретила Синичкину радостно. Поставила чай. Села напротив. И начала рассказывать.

— Толик? Хороший был. Тихий. Не то что другие. — Она махнула рукой в сторону. — Работал на заводе. Потом завод закрылся. Он и загрустил. Жена — ну, она уехала. К маме. Или к кому. А он остался.

— Почему остался?

— А куда ему? — Бабушка пожала плечами. — Дом, привычка, возраст. Кто ж в пятьдесят с лишним куда поедет.

— А как он жил? После того как жена уехала?

Бабушка подумала.

— Станный стал. Всё что-то мастерил. Что-то носил. Ко мне заходил — просил никому не говорить.

— Что просил?

— Что он уехал. — Бабушка посмотрела Синичкиной в глаза. — Просил говорить, что он уехал. А сам — тут.

Синичкина записала. Медленно. Стараясь не поднять взгляд, чтобы бабушка не поняла, насколько это важно.

— А зачем ему это?

— А я знаю? — Бабушка пожала плечами. — Может, стыдно. Может, от кого прячется. Он вообще странный был под конец. Всё в пальто ходил. Даже летом. Тёплое пальто, серое, старое. Говорил — «сквозняки».

Синичкина подняла взгляд.

— В пальто, — повторила она.

— В пальто. И в фартуке. — Бабушка вдруг усмехнулась. — Фартук у него был, как у медсестры. Белый. Он его в квартире носил. Я думала — может, он это... по хозяйству. А он, может, того. — Она постучала пальцем по виску.

— Спасибо, — сказала Синичкина. — Вы очень помогли.

Бабушка кивнула и налила ей ещё чаю. Синичкина выпила. Это была плата за информацию — принять угощение и не поморщиться. Она справлялась.

Дроздов во второй квартире узнал меньше, но тоже кое-что.

— Толик нам ремонт делал, — сказала молодая пара, стоя в коридоре, заставленном коробками. — Долго делал. Года полтора. Потом сказал — уезжает, больше не могу. Мы обиделись. Но заплатили. Он хороший мастер был. Руки золотые.

— А когда он уехал?

— Месяц назад примерно. Мы ещё удивились — он говорил, что доделает, а тут — взял и всё.

— Он не объяснил почему?

— Нет. Сказал: «Обстоятельства». И всё.

— А в каком он виде был?

— В каком виде? — Пара переглянулась. — Обычный. В пальто. Он всегда в пальто ходил.

— Почему?

— Не знаем. Наверное, привычка.

Дроздов записал.

Студента нашла Синичкина — он как раз выходил из подъезда с рюкзаком и, увидев её, попытался сделать вид, что не заметил.

— Здравствуйте, — сказала Синичкина. — На пару минут.

Студент вздохнул. Обречённо.

— Я уже всё рассказал.

— А теперь по-другому расскажете. С самого начала.

Студент замялся.

— В каком смысле?

— В прямом. Вы сказали, у вас пропала зачётка. Хорошо. А теперь — зачем вы живёте в квартире Курочкина?

Студент побледнел.

— Я... — начал он. — Я не...

— Вы там живёте, — сказала Синичкина спокойно. — Я не знаю как, но знаю точно. Вы студент, вы снимаете у кого-то, но на вашем этаже никого нет. А вы — есть. Значит, живёте в пустой. Значит, кто-то вам разрешил.

Студент сел на ступеньку. Сдался.

— Он попросил, — сказал он тихо. — Толик. Он попросил меня пожить там. Присмотреть. За вещами.

— Он уехал?

— Нет.

— Он не уехал. — Студент посмотрел на неё. — Он в подвале.

— Где?

— В подвале. Он там оборудовал себе... ну, комнату. Я не знаю зачем. Он сказал — временно. Он заплатил мне, чтобы я жил в его квартире и говорил всем, что он уехал. Чтобы никто не искал.

— Зачем не искал?

Студент пожал плечами.

— Он не объяснял. Он вообще мало объяснял. Но он не преступник! Он просто... — студент замялся, — ...странный.

— Странный, — повторила Синичкина.

— Да. Тихий такой. Спокойный. Он мне однажды сказал фразу, я её запомнил. Сказал: «Каждый человек хочет, чтобы его уважали. Даже если он этого не заслуживает». — Студент поморщился. — Странно, да?

— Нет, — сказала Синичкина. — Не странно.

Она записала: «Курочкин — подвал. Студент — нанят, чтобы отводить подозрения. Мотив — ?».

В кабинете отдела собрались все, кроме Кулибина, который остался в мастерской. На столе лежали записи — Синичкиной и Дроздова. Тимофей перебрался с подоконника на стол и сидел прямо на бумагах. Никто его не сгонял. Уже не сгоняли давно.

Орлов прочитал записи. Долго. Потом отложил.

— Итак, — сказал он. — Курочкин не уехал. Курочкин живёт в подвале своего же дома. Он попросил студента отыгрывать его отсутствие. Он носит пальто. Он подкладывает монетки. Он ставит тапки.

— Домовой, — сказал Дроздов с восхищением.

— Домовой, — согласился Орлов. — Он играет домового. Только играет плохо.

— Почему плохо?

— Потому что перепутал валерьянку с мятой. Потому что носит пальто — домовые не носят пальто. Потому что оставляет монетки — домовые монетки не оставляют. Они их, если уж совсем по легенде, берут. Он перевернул ритуал с ног на голову.

— Может, он просто не знает, — сказал Дроздов.

— Знает, — сказала Синичкина внезапно. Все посмотрели на неё. — Он знает. Он просто хочет, чтобы его уважали.

— Что? — спросил Орлов.

— Он мне передал через студента, — сказала Синичкина. — Фразу. «Каждый человек хочет, чтобы его уважали. Даже если он этого не заслуживает». Он это не случайно сказал. Он это для нас сказал.

— Зачем? — спросил Муромцев.

— Затем, что он не просто вор, — сказала Синичкина. — Он хочет быть кем-то. Домовым. Хозяином. Уважаемым жильцом. Он играет в это. Он в это верит.

— И при этом крадёт, — сказал Дроздов.

— И при этом крадёт, — согласилась Синичкина. — Потому что не знает, как ещё.

Орлов молчал. Долго. Потом посмотрел на Дроздова.

— Ты говорил про чат домовых.

— Говорил.

— Там можно что-то разместить?

— Можно. — Дроздов пожал плечами. — Анонимно.

— Размести. Объявление. Что-то вроде: «Ищу хорошего домового. Недорого. Улица Гагарина, дом восемь». Посмотрим, кто откликнется.

Дроздов посмотрел на него.

— Орлов. Вы... — он замолчал, подбирая слово, — ...гений.

— Работай.

Дроздов работал. Через двадцать минут он поднял голову.

— Есть.

— Что?

— Объявление. В разделе «Угол». — Он прочитал вслух: — «Сдаётся угол, недорого. Ищет хозяина с фантазией. Тихогорск, улица Гагарина, дом восемь, квартира четвёртая». И телефон.

— Квартира четвёртая, — сказала Синичкина.

— Толик.

— Толик.

Орлов встал.

— Значит, так, — сказал он. — Он не просто играет в домового. Он рекламирует себя как домового. Он хочет, чтобы его сдали. Он хочет быть нужным. Он создал себе вторую жизнь — в подвале, в чате, в легенде. А мы его вытащим.

— Наружу, — сказал Муромцев.

— Наружу.

Тимофей на столе открыл глаза. Посмотрел на Орлова. Долго. Потом закрыл.

Орлов посмотрел на него. Ничего не сказал. Но в блокноте у него появилась фраза, которую он никому не показал: «Кот понимает больше, чем говорит. Проверить».

Вечером отдел готовился к задержанию. Кулибин принёс свой прибор — тот самый, из чайника. Дроздов предложил взять с собой. Орлов посмотрел на прибор. Потом на Кулибина. Потом на прибор ещё раз.

— Возьмите, — сказал он. — На всякий случай.

— Он работает, — сказал Кулибин.

— Я знаю, — сказал Орлов. И подумал про себя, что если прибор действительно работает, он, Орлов, официально перестанет понимать, как устроен мир.

За час до отъезда Синичкина достала лист, который дал ей Громобоев. Прочитала. Внимательно. До конца. Там было несколько фамилий, дат и пометка на полях, сделанная знакомым почерком: «Курочкин А.А. — проверить связь с делом 47-б. Не подтверждено». Она ничего не поняла. Но запомнила фамилию.

Курочкин.

Она закрыла блокнот.

Глава 5. Развязка

Подвал дома номер восемь по улице Гагарина был из тех подвалов, о которых в Тихогорске говорили: «Туда лучше не спускаться». Не потому, что там водилось что-то страшное. А потому, что там водилось что-то скучное: трубы, плесень, старые велосипеды и запах, который не выветривался с восьмидесятых.

Отдел спустился вниз в полном составе. Первым шёл Муромцев — просто потому, что он был самым крупным, и если бы в подвале кто-то прятался за углом, он бы первым это заметил. За ним — Орлов. Потом — Синичкина с фонариком. Потом — Дроздов. Последним — Кулибин, с прибором из чайника, который он держал перед собой, как священник — крест.

Тимофей шёл сам. Никто не заметил, как он оказался в подвале. Он просто был.

— Тихо, — сказал Орлов.

Было не тихо. Где-то капала вода. Где-то гудела труба. Где-то в дальнем углу что-то шуршало — вероятно, мышь. Но человеческого шума не было. Пока.

— Квартира четвёртая — над нами, — сказала Синичкина. — Значит, его «комната» должна быть где-то под ней.

— Логично, — сказал Орлов.

— Это не логика, — сказал Кулибин. — Это строительные нормы. Под каждой квартирой — свой отсек.

— Кулибин, — сказал Орлов.

— Молчу.

Они прошли ещё метров двадцать. Лампочки в подвале не было — только аварийный свет у входа и фонарик Синичкиной. Тени прыгали по стенам. Дроздов несколько раз оборачивался, но за спиной никого не было — кроме Кулибина, который шёл и бормотал что-то про влажность.

И тогда они увидели дверь.

Настоящую дверь. Деревянную, обитую дерматином. С номером «4», прибитым к штaketине. Штакетина была прикручена к двери шурупами. Рядом — коврик. На коврике — тапки.

— Тапки, — сказал Дроздов.

— Тапки, — подтвердил Муромцев.

— Он их и здесь ставит, — сказала Синичкина.

— Он их везде ставит, — сказал Орлов. — Это его принцип.

Он подошёл к двери. Постучал.

Тишина.

Постучал ещё раз.

За дверью что-то упало. Глухо, как мешок с картошкой. Потом — тишина. Потом — шаги. Медленные. Осторожные. Как у человека, который очень не хотел, чтобы его услышали, но понимал, что уже услышали.

Дверь открылась.

На пороге стоял Толик Курочкин.

Ему было на вид чуть больше пятидесяти. Лысина, обрамлённая седыми волосами. Очки на резинке. Фартук — белый, как у медсестры, — поверх старого свитера. Пальто — серое, осеннее, с фабрики «Тихогорская» — висело на гвозде за его спиной.

На нём были накладные усы. И — да — накладная борода. Борода съехала набок.

— О, — сказал Толик. — Милиция.

— Здравствуйте, — сказал он ещё раз, вежливо, как будто ждал гостей.

— Толик Курочкин? — спросил Орлов.

— Я.

— Вы арестованы.

Толик посмотрел на него. Потом на Синичкину. Потом на Дроздова. Потом на Кулибину с прибором. Потом на Муромцева. Потом на Тимофея, который сидел у его ног и смотрел на него с выражением, которое Толик не смог расшифровать.

— За что? — спросил он. — Я никого не тронул.

— Хищение чужого имущества, — сказал Орлов.

Толик посмотрел на него честными глазами.

— Так то ж домовому, — сказал он. — Человеку бы не взял.

Дроздов чуть не поперхнулся.

— Что?

— Ну, — Толик развёл руками, — я думал: если люди верят, что домовой есть, то они и не заметят пропажи. Спишут на домового. А я...

— А вы — при чём? — перебила его Синичкина.

Толик посмотрел на неё с обидой.

— А я — при чём? Я — домовой! Я им — своим! Я вещи у них беру как... как зарплату! Я ж не с улицы! Я ж легальный!

Все посмотрели друг на друга. Муромцев — на Орлова. Орлов — на Синичкину. Синичкина — на Дроздова. Дроздов — на Кулибину. Кулибин — на Тимофея. Тимофей — на Толика.

Орлов вздохнул.

— Толик. Вы — человек.

Толик помолчал. Потом сказал тихо:

— Ну да.

— И вы — вор.

— Ну да, — сказал Толик ещё тише.

— Вы это всё... — Дроздов обвёл рукой дверь, коврик, тапки, фартук, — ...сами?

Толик вдруг выпрямился. В его глазах появилось что-то, чего там раньше не было. Гордость.

— Сам, — сказал он. — По интернету научился. Как правильно «домовить». Чтобы не спалиться.

— Не спалиться, — повторил Муромцев.

— Да.

— Вы оставили тапки с монетками у чужой двери.

— Ну, — Толик задумался, — это ритуал.

— Это улика.

Толик помолчал.

— Ну... — сказал он. — Ритуал — тоже улика. Я не подумал.

Кулибин, до этого молчавший, вдруг сказал:

— Он не домовый.

Все посмотрели на него.

— Мы знаем, — сказал Орлов.

— И не вор в классическом смысле.

— А кто?

— Самозванец. Системный. Он создал сервис.

— Какой сервис? — спросил Дроздов.

— Себя, — сказал Кулибин. — Он превратил себя в услугу. «Домовой в наличии, недорого». Он думал, что будет востребован.

Толик смотрел на Кулибина с уважением.

— Правильно, — сказал он тихо. — Я думал, что буду востребован.

Они сидели в комнате Толика. Вернее, это была не комната, а отсек подвала, переоборудованный под жильё. Тут было чисто — на удивление чисто. Кровать. Стол. Полка с книгами. Электрический чайник. Обогреватель. Коврик на полу. И — главное — маленькая печка, сложенная из кирпичей. Кирпичи были аккуратно подогнаны. Толик явно умел работать руками.

На столе лежали вещи. Монеты. Ложки. Носки.

— Про носки объясните, — сказал Орлов.

— Носки — для антуража, — сказал Толик. — Чтобы запах был.

— Какой запах?

— Ну. Домовой же. Он должен пахнуть. Вот я и... — он неловко показал на носки, — ...ну, носками.

— Это гениально, — сказал Дроздов тихо.

— Дроздов, — сказал Орлов.

— Я про глупость. Глупость гениальная.

— Я так и понял.

Орлов сел на табурет. Посмотрел на Толика. Толик стоял посреди своей комнаты, в фартуке, с накладной бородой набок, и было в нём что-то жалкое и одновременно упрямое.

— Рассказывайте, — сказал Орлов. — С самого начала.

Толик вздохнул. Поправил бороду. Сел на кровать.

— Работал на заводе, — сказал он. — Двадцать лет. Завод закрыли. Жена ушла. К маме. Дура. То есть — не дура. Просто устала. Я не в обиде.

— Дальше.

— Остался я. Один. В квартире. Денег нет. Работы нет. Возраст. Куда идти? — Он посмотрел на Орлова. — Вы спрашиваете — зачем? А я отвечу. Потому что надо было чем-то жить. Ну, я и придумал.

— Домового, — сказал Орлов.

— Домового, — подтвердил Толик. — Я подумал: в доме домовый должен быть. Все верят. Все боятся. Все уважают. Если я буду домовым — меня будут уважать.

— И вы... — Синичкина замялась, — ...стали домовым?

— Ну да. — Толик пожал плечами. — А что? Я не украл ничего лишнего. Я брал только маленькое. То, что не жалко. И возвращал почти.

— Возвращали? — спросил Дроздов.

— Возвращал. Монетки. Клал у порога. Как плату. Как бы — за проживание. Уважение к традициям.

— Толик, — сказал Орлов медленно. — Вы монетки клали хозяину. А воровали — у хозяина. Вы понимаете, что это полная бессмыслица?

Толик подумал. Долго. Честно.

— Ну... — сказал он наконец. — Как бы да.

— Тогда зачем?

Толик посмотрел на него.

— Затем, что мне надо было во что-то верить, — сказал он тихо. — Я верил в эту игру. Если веришь в игру — она работает. Если не веришь — уже не работает. Я верил.

Синичкина вдруг посмотрела на Орлова. Тот кивнул — едва заметно. Она поняла.

— Толик, — сказала она. — А зачем вы в чат домовых написали? Объявление?

Толик замер.

— Вы его прочитали? — спросил он.

— Прочитали.

Толик помолчал.

— Хотел проверить, — сказал он наконец. — Вдруг кто откликнется. Вдруг... — он посмотрел в сторону, — ...вдруг я настоящий. Вдруг я — на самом деле домовый. И тогда всё правильно.

— И откликнулись? — спросила Синичкина.

— Нет, — сказал Толик. — Никто. — Он посмотрел на неё. — Никто не откликнулся. Только вы.

Орлов встал.

— Ладно, — сказал он. — Собирайтесь.

— Куда? — спросил Толик.

— В отделение.

Толик посмотрел на него. Потом на комнату. На стол. На полку с книгами. На чайник. На обогреватель. На свою маленькую жизнь, которую он построил в подвале, потому что наверху было слишком пусто.

— А это... — он показал на комнату, — ...это можно оставить?

— Что?

— Ну. Комнату.

— Толик, — сказал Орлов. — Вы пойдёте под суд.

— Я понимаю, — сказал Толик. — Я просто спросил.

Он снял фартук. Аккуратно сложил. Положил на кровать. Потом снял бороду. Потом усы. Положил рядом.

Он взял пальто с гвоздя. Надел. Застегнул. Он делал это медленно, как будто прощался. Муромцев уже стоял у двери, готовый его задержать, если понадобится. Но Толик не собирался бежать. Он уже бежал всю жизнь — от тоски, от безработицы, от пустой квартиры. И теперь устал.

— Пойдёмте, — сказал он.

Они вышли из подвала. Толик шёл медленно, оглядывался. Подъём был для него не просто лестницей. Это было возвращение.

Громобоев вошёл в кабинет отдела ровно в тот момент, когда Синичкина дописывала рапорт. Он был в форме, которая опять сидела плохо. Он был хмур. Он был — непривычно для себя — тих.

Толик сидел на стуле у стены. Уже без фартука, без бороды, без усов. Просто человек в пальто. Он выглядел меньше, чем в подвале. И старше.

Громобоев посмотрел на него. Долго. Потом сел за стол Орлова — просто сел, не спрашивая, — и откинулся.

— Домовой, значит, — сказал он.

Толик встал.

— Виноват, товарищ полковник.

— Борода где?

— Изъяли.

— Жалко, — сказал Громобоев. — Хорошая борода была. Я на фотографии видел. Профессиональная.

— Вы её где брали?

— В интернете, — сказал Толик. — На сайте «Театральный реквизит».

— А-а. — Громобоев кивнул. — Хороший сайт. Уважаю людей, которые готовятся.

Он замолчал. Посмотрел на Орлова.

— Дело закрыто?

— Закрыто, товарищ полковник.

— Отчёт на стол.

— Есть.

Громобоев встал. Оглядел кабинет. Все сидели на своих местах. Кулибин паял. Дроздов листал телефон. Муромцев лежал на диване. Синичкина писала. Тимофей спал на папке с делом.

— Хорошо сработали, — сказал Громобоев. — Особенно кот.

Все посмотрели на Тимофея. Тимофей спал. Он не отреагировал.

— Я не шучу, — сказал Громобоев. — Кот — молодец.

— Мы тоже, — сказал Муромцев медленно.

— Вы — тоже, — согласился Громобоев. — Но кот — молодец.

Он развернулся и вышел. Дверь хлопнула. Лепнина на потолке вздрогнула и уронила небольшую, но выразительную крошку прямо на макушку Толику. Толик не заметил. Он смотрел в пол.

В кабинете было тихо. Потом Орлов поднялся.

— Курочкин, — сказал он. — Пойдёмте.

Толик встал. Они вышли. Дверь за ними закрылась.

В кабинете остались четверо и кот. Дроздов убрал телефон. Синичкина отложила ручку. Кулибин отложил паяльник. Муромцев сел на диване — уже не лежал, а сидел. Все смотрели куда-то в разные стороны. Никто не начинал разговор.

Потом Дроздов сказал:

— Жалко его.

— Дроздов, — сказала Синичкина.

— Что?

— Я тоже так думаю.

— Мы не должны так думать, — сказал Кулибин. — Мы — следователи. Он — преступник.

— Он украл носки, — сказала Синичкина. — И ложки. Которые и так лежали в открытом серванте.

— Он украл, — сказал Кулибин. — Это факт.

— Это факт, — согласилась Синичкина. — Просто факт бывает разный.

Муромцев, который до этого молчал, вдруг сказал:

— Он не хотел быть вором. Он хотел быть нужным.

Все посмотрели на него.

— Он придумал себе роль, — продолжил Муромцев медленно, глядя в стену. — И играл её, потому что другой роли у него не было. Так бывает. Люди придумывают себе роли. Кто-то — домовый. Кто-то — следователь.

— Ты сейчас про нас? — спросил Дроздов.

— Я про всех, — сказал Муромцев.

Он лёг обратно на диван. Разговор закончился. Каждый вернулся к своему делу. Кулибин — к паяльнику. Дроздов — к телефону. Синичкина — к рапорту. Муромцев — к потолку.

Тимофей открыл глаза. Посмотрел на всех по очереди. Потом встал, прыгнул с папки, подошёл к двери и сел. Как всегда — у выхода. Как будто ждал, что кто-то войдёт. Или выйдет.

Вошёл Орлов. Один. Без Толика.

— Отправил? — спросила Синичкина.

— Отправил, — сказал Орлов. — Сознался. Дело закрыто.

Он сел за свой стол. Посмотрел на лежащий перед ним рапорт. Потом на Синичкину.

— Синичкина.

— Да?

— Как вы догадались? Про то, что он «извиняется»?

Синичкина задумалась.

— Не знаю, — сказала она честно. — Просто почувствовала. Он вёл себя так, как будто... — она поискала слово, — ...как будто не хотел мешать. Как будто извинялся за то, что вообще есть.

— Как будто боялся, что настоящий домовый придёт, — сказал Орлов.

— Да.

— А если бы пришёл? — спросил Дроздов. — Настоящий? Что было бы?

Все переглянулись.

— Не знаю, — сказал Орлов. — И, честно говоря, надеюсь, что не узнаю.

— Ладно, — сказал он. — Работаем дальше.

Все вернулись к своим делам. Тимофей у двери зевнул и улёгся, положив голову на лапы. Тихогорск за окном медленно погружался в вечер. Где-то далеко гудели машины. Где-то в подъезде дома номер восемь по улице Гагарина, в освобождённой квартире, стояла тишина.

Эпилог

Орлов вошёл в кабинет Громобоева и положил отчёт на стол. Громобоев взял его, полистал, но читать не стал. Он вообще редко читал отчёты — он их взвешивал. И этот был весомый.

— Хорошо, — сказал Громобоев. — Очень хорошо. Синичкину — в приказ.

— На повышение?

— Не на повышение. В приказ о премировании. Она у нас девушка талантливая.

— Товарищ полковник.

— Что?

— Тапки.

Громобоев поднял бровь.

— Что тапки?

— Он их ставил у порога, — сказал Орлов. — Аккуратно. Ровно. Как будто боялся.

— Чего боялся?

— Что настоящий домовой придёт.

Громобоев смотрел на него. Долго. В его глазах было что-то, чего Орлов раньше не видел. Что-то, что было похоже на уважение — или на усталость — или на то и другое одновременно.

— Может, и боялся, — сказал он. — Может, и правильно боялся.

— Свободен.

Орлов вышел. Дверь закрылась. Громобоев посидел ещё немного. Потом встал. Подошёл к сейфу. Открыл. Достал особую папку. Она была толстая. Он открыл её, полистал. Нашёл нужный лист. Взял ручку. Внизу, под фамилиями, под датами, под пометкой «Не подтверждено», он дописал одну строчку:

«Куручкин А.А. — не то. Играл. Ищет место. Возможно — был где-то раньше. Не подтверждено».

Он вложил лист обратно. Закрыв папку. Убрал в сейф. Закрыв сейф.

За дверью сидел кот Тимофей. Громобоев не видел его — так ему казалось. Но Тимофей сидел именно там, у самой двери, и смотрел на неё так, будто знал, что за ней происходит.

Когда Гр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.